

A man with dark, wavy hair and blue eyes, wearing a brown coat and a green cravat, stands behind a woman. The woman has long, dark hair styled in a braid with a red rose in it, and she is wearing a red dress with lace details. They are in a library with tall bookshelves and a large window with a decorative glass pattern.

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

МАГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ДЛЯ ПОПАДАНКИ
ИЛИ ДРАКОНА НЕ ВЫЗЫВАЛИ!

Надежда Соколова

**Магическая академия
для попаданки, или
Дракона не вызывали!**

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Магическая академия для попаданки, или Дракона не вызывали! /
Н. И. Соколова — «Автор», 2026

Я - Василиса, мне 35. Семьи, детей, мужа нет. Зато есть способности к пиромантии и комната в магической академии. И учиться мне тут еще несколько лет. Нет, замуж я не собираюсь. Даже за дракона. Что значит, он против? Его проблемы.

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Надежда Соколова

Магическая академия для попаданки, или Дракона не вызывали!

Глава 1

В конспекте, который я старательно выводила серебряным стилусом на шершавой поверхности листа из коры драконьего дерева, красовалась нелепая, с моей точки зрения, пометка. Ровно напротив словесной тирады Ортанилы горт Дарсканайской о том, что фениксы не горят, я вывела: *«Вранье. Фениксы не горят на кострах и повторно не возрождаются»* — и для убедительности подчеркнула дважды, чуть не процарапав магический носитель.

Я — Василиса. Тридцать пять лет, в прошлом — скромный филолог-германист, в настоящем — адептка с зачатками пиромантии и стойким ощущением, что кто-то наверху очень неудачно пошутил. В магический мир Орионас я попала не по своей воле: просто переходила дорогу на зелёный свет, а очнувшись уже в этом мире, сжимая в руках обгоревший амулет, и с дикой головной болью. Первые полгода я провела, пытаюсь найти портал домой, но местные магистры только снисходительно качали головами: «Пути судьбы неисповедимы, адептка». С тех пор я смирилась и теперь учусь на факультете магической зоологии, потому что в моём мире я обожала всякую живность, а здесь — это был единственный способ получить стипендию и жильё.

Лекционная аудитория Академии «Аструм Инкарнатум» — средоточие магии и архитектурного абсурда. Сводчатый потолок, сплетённый из живых ветвей плакучей ивы, мерцал тысячами светлячков, заменяющих свечи. Пол был выложен полированным обсидианом, в глубине которого, как в чёрном зеркале, отражались наши лица. Пахло здесь озоном, сушёным тимьяном и почему-то мокрой шерстью — наследие зверинца, располагавшегося этажом ниже.

На кафедре, возвышаясь над нами всем своим тигриным величием, стояла Ортанила горт Дарсканайская. Оборотница была под два метра ростом, с царственной осанкой и гибкими, пружинистыми движениями, которые выдавали в ней хищника. Её серебристые волосы были стянуты в тугий пучок, но пара острых, чутких ушей с чёрными кисточками постоянно подрагивала, улавливая любой шорох. Сегодня она была в парадной мантии изумрудного цвета, расшитой золотыми рунами, но я всё равно видела, как под тканью перекачиваются мощные мышцы плеч. Когда она злилась — а злилась она часто, — её глаза начинали вертикально сужаться, и в их жёлтой глубине проскальзывал хищный огонёк.

— Итак, адепты, — её голос, низкий, с лёгким рычанием, разносился по залу безо всяких усилителей. — Фениксы — существа разумные. Более того, они относятся к высшей касте магических созданий, наравне с драконами и единорогами. Их интеллект сопоставим с нашим, а память — почти бесконечна. Они селятся на востоке империи, у Золотистых гор. Эти горы — не просто геологическое образование, а магический барьер. Сами скалы там пропитаны кварцевой пылью, которая аккумулирует солнечную энергию. Для феникса это — родная стихия. Без этого света и тепла они чахнут.

Она взяла с кафедры длинную указку из кости мамонта и ткнула в висящую в воздухе голографическую карту. Я заворожённо следила за тем, как крошечные огненные точки, обозначающие гнёзда, переливались на проекции.

— Адепт Онтарий, — рыкнула она, не поворачивая головы. Я покосилась на здоровенного парня с рогами, который сидел на заднем ряду и смущённо вертел в руках кистень. — Да, ваши родичи — знаменитые охотники из клана Железного Когтя. Но даже они не способны

похитить птенца феникса. Во-первых, гнездо расположено на пике, который охраняют стихийные вихри. Во-вторых, если до яйца дотронется тот, кто не был избран птицей, он просто самоиспелится. На месте. Без права на реанимацию. Понятно?

Онтарий, который, кажется, хотел похвастаться семейными реликвиями, виновато вжал рога в плечи и промычал что-то утвердительное.

— Что касается гоблинов, — продолжила Ортанила, прохаживаясь между рядами, и я ощутила, как от её мантии веет сухим жаром, будто от хорошо прогретой солнцем шерсти. — Да, они регулярно пересекают гряду Золотистых гор, нарушая границу. Но поверьте, им нужны не птицы. Им нужны ископаемые — золотиносный кварц, который они продают тёмным алхимикам. Фениксы для них — слишком хлопотная добыча. Эти пташки, если их разозлить, могут спалить дотла целый караван. Огненный столб высотой в сотню локтей — не самое приятное зрелище, когда ты едешь на ящере с грузом контрабанды.

Тут она остановилась прямо около моей парты, и я почувствовала, как на меня повеяло запахом грозы и сухой листвы. Её тонкие ноздри трепетали. Я постаралась прикрыть ладонью свой конспект, но она, кажется, уже прочитала мои каракули.

— Адептка Ростана, — голос стал мягче, но не менее стальным. — Вы хотите спросить, почему они не перелетают через горы?

Синеволая русалка с соседнего ряда вскинула руку, и её жабры на шее возбуждённо захлопали.

— Ну, они же птицы, магистр! Разве они не могут просто взять и...

— Не могут, — отрезала Ортанила. — В степях нет кварцевых россыпей. А фениксы питаются не червяками и зёрнами, как ваши домашние канарейки. Их пища — чистая магия солнца, преломлённая в кристаллах. Без неё у них слабеет огненная сущность, перья тускнеют, и они превращаются в обычных, жалких, почти не магических птиц. Для феникса это равно смерти. Медленной и позорной.

Я почувствовала, как у меня защипало глаза. В моём родном мире фениксы всегда были символом возрождения, вечной надежды. А здесь они оказались просто избалованными геофагами, привязанными к месторождению полезных ископаемых.

— Далее, — Ортанила щёлкнула пальцами, и на стенах зажглись новые иллюстрации. — Фениксы создают пары один раз и на всю жизнь. Их ритуал ухаживания длится около ста лет. Самец приносит самке не веточки и пух, а... внимание, — она выдержала театральную паузу, — самые красивые кристаллы чистого огня, которые он добывает в жерлах вулканов. Если она принимает дар, они сплетают свои энергетические коконы. В прямом смысле. Их души переплетаются. Если один умирает, второй следует за ним в течение суток, не в силах вынести пустоты.

В аудитории стало тихо. Даже вездесущие гномы, вечно шуршащие свитками, замерли. Я вдруг остро ощутила своё одиночество. Мне тридцать пять, я попаданка без шанса на возвращение, и самая близкая «пара» у меня — это ворчливый библиотечный призрак, который иногда подсказывает мне нужные стеллажи.

— Что? — Ортанила резко обернулась, и я поняла, что она уставилась прямо на меня. Вернее, на мои руки. Я неосознанно начала вырисовывать на полях тетради языки пламени, и стилус начал дымиться, оставляя на древесной коре коричневые подпалины. — Адептка Василиса, ну откуда вы взяли такую чушь? — Её усы хищно дрогнули. — Нет, фениксы не сгорают в кострах и не возрождаются вновь. Что значит, прочитали в книжках? Не знаю, где вы находите такие книжки, но читать надо только литературу, рекомендованную преподавателями академии. Это вам не сказки для несмышлёнышей.

Я подняла голову и встретила её жёлтый, пристальный взгляд. Мне ужасно хотелось сказать ей, что я читала это в «мире грёз», как она выразилась. Что у нас, на Земле, эта птица —

символ бессмертия, и это давало нам, людям, надежду на то, что даже после самого страшного пепла можно восстать. Но вместо этого я сглотнула и выдала:

— Простите, магистр. У меня... у меня в роду были поэты. Мы любим метафоры.

Ортанила горт Дарсканайская наклонила голову, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство.

— Метафоры, говорите? — Она хмыкнула, и по аудитории пробежал холодок. — Вы, адептка, — самая настоящая загадка. И ваши «метафоры» сжигают ваши же конспекты. — Она ткнула пальцем в мою тетрадь, из которой уже валил тонкий дымок. — Перепишете лекцию к завтрашнему утру. С нуля. И без поджогов.

Я покорно кивнула, чувствуя, как мои уши заливаются краской. Сзади кто-то захихикал — кажется, это был Онтарий, которому стало легче оттого, что нагоняй получила не только он.

Но когда Ортанила отвернулась и продолжила рассказывать о кладке фениксов (оказывается, яйца у них из чистого обсидиана, и высиживает их самец, излучая жар, а самка лишь охраняет периметр), я снова склонилась над своей горелой тетрадью.

Осторожно, кончиками пальцев, я провела по подпалинам и, подумав, что у меня всё равно уже нет репутации примерной студентки, тонко приписала в самом низу: *«Но я всё равно верю. Потому что, если даже здесь, в этом мире строгой логики, нет места на чудеса — значит, я зря сюда попала. И я докажу им, что огонь может умирать и рождаться заново. Хотя бы на уровне теории».*

Я сделала глубокий вдох и постаралась слиться с партой, сделанной из цельного куска окаменевшего молочного дерева. Этот трюк у меня получался плохо — во-первых, потому что молочное дерево было нежно-розовым с золотыми прожилками, а моя академическая мантия имела цвет варёной свеклы. Во-вторых, потому что прямо над моим ухом снова раздался этот голос.

— Адептка Василиса, — Ортанила горт Дарсканайская склонилась так низко, что я увидела каждый завиток на её серебряном пучке. — У вас есть привычка вещать ересь на моих лекциях. Скажите, книги у вас дома тоже самовозгораются, или вы помогаете им магией?

Я подняла глаза и попыталась изобразить максимально невинное лицо. В свои тридцать пять я освоила это искусство в совершенстве — на Земле оно помогало выкручиваться перед строгой заведующей кафедрой. Здесь оно почему-то не работало. Оборотни чуяли ложь за версту, а тигрицы — особенно.

— Магистр, — начала я самым сладким голосом, — это просто художественный вымысел. В моём мире есть легенда, что феникс...

— Адептка, мы изучаем зоологию, а не мифологию Земли, которую вы, кстати, так и не удосужились толком описать ни одному преподавателю, — отрезала Ортанила, и её хвост, которого я раньше не замечала (надо полагать, он был спрятан иллюзией), недовольно дёрнулся под мантией. — Продолжим, пока вы не сожгли всю академию.

Она выпрямилась во весь свой немалый рост, и по аудитории прокатился шелест — все её студенты, от мелких домовых до здоровенных троллей, синхронно выдохнули. Я огляделась.

Лекционный зал магической зоологии в Аструм Инкарнатум был тем ещё цирком. Во-первых, потолок здесь находился на высоте примерно десяти метров, потому что иначе огр с соседней парты, сидящий на специально усиленном табурете, пробивал бы головой перекрытия. Огр этот, кстати, носил имя Грумм Большой Топор и был самым прилежным студентом на курсе — он делал конспекты размером с ладонь взрослого человека, выводя каждую букву с такой тщательностью, что у меня начинала болеть шея, когда я просто смотрела на его свитки.

Стены аудитории были покрыты живыми обоями — чешуйчатой корой, которая переливалась всеми оттенками изумрудного и бронзового, создавая иллюзию, что мы сидим внутри гигантской ящерицы. По этой коре время от времени пробежали крошечные светящиеся жучки, которые служили здесь вместо люстр. Жучки эти были приручены много веков назад, но всё

равно иногда сбивались в стаи и начинали выписывать в воздухе замысловатые узоры, отвлекая адептов от лекций. Особенно доставалось эльфам — они могли смотреть на танцующих жучков часами, забывая открыть рот.

На переднем ряду сидел мелкий адепт по имени Тимми Ногтегрыз, гоблин-полукровка, который вечно что-то жевал. Сейчас он старательно грыз угол своей тетради, измазанной чем-то зелёным, и при этом умудрялся строчить записи с такой скоростью, что его стилус дымился от трения. Рядом с ним, занимая два места, развалился вампир Аристарх Кровавый Бриз — высокий, бледный, в чёрном кожаном плаще с сотней заклёпок, который, несмотря на своё пафосное имя, отчаянно боялся пауков. Прямо сейчас он с ужасом косился на соседнюю парту, где домовик-леший в натуральную величину перебирал свои моховые волосы и стряхивал с них мелких лесных клещей.

— Так, вернёмся к фениксам, — громыхнула Ортанила, и по её голосу было понятно, что она начала терять терпение. А когда тигрица теряла терпение, у неё обострялось обоняние, и она начинала чують все скрытые деликатесы, которые адепты прятали в карманах. — Фениксы — умнейшие создания, — она взмахнула рукой, и над нашими головами повисла трёхмерная проекция птицы. — Они обладают даром предвидения. Но нет, адепт Онтарий, — она резко развернулась к моему однокурснику, — они не предсказывают, кто кого полюбит. Они предсказывают движение тектонических плит, извержения вулканов и смену магических потоков. Потому что, в отличие от вас, рогатый вы мой, они мыслят стратегически, а не гормонально.

Онтарий, который действительно хотел спросить что-то про любовь (этот здоровяк каждую неделю менял предмет обожания: на прошлой — это была русалка Ростана, на этой — эльфийка с факультета травничества), покраснел до кончиков рогов. Его рога, кстати, были украшены медными кольцами, которые по местной традиции цепляли в знак совершеннолетия. Они мелодично звякнули, когда Онтарий понуро опустил голову.

— Магистр, — подал голос мелкий гоблин с переднего ряда, не переставая жевать, — а они вкусные?

Тишина повисла такая, что стало слышно, как жучки на потолке перешёптываются.

— Простите? — Ортанила медленно, с угрозой, повернулась к Тимми. Её глаза начали менять цвет с янтарного на ярко-жёлтый. Хищный.

— Ну, фениксы, — ничуть не смутился гоблин, вытащил из-за щеки кусок неизвестной субстанции и сунул его обратно. — Они же огненные. Может, если их правильно замариновать, они как остренькие куриные крылышки? У нас в клане есть старый рецепт...

— Адепт Ногтегрыз, — голос Ортанилы стал похож на рык разъярённой кошки, которую вдобавок окатили ледяной водой, — вы будете месяц отмывать клетки в зверинце. И кормить грифонов сырым мясом. Без перчаток.

Тимми на секунду задумался, видимо, прикидывая, стоит ли крылышки того, а потом отрицательно замотал своей зелёной головой.

— Не надо, магистр. Я пошутил, — затараторил он. — У нас, у гоблинов, такое чувство юмора. Мы же не едим разумных существ! Ну, почти не едим.

Я фыркнула в кулак. Боже, как же здесь было смешно. Каждый день, каждое занятие — как отдельный цирковой номер с элементами магии, угрозы расправы и незаконного оборота вяленых улиток (это была местная валюта на чёрном рынке академии).

Ортанила тем временем взяла себя в руки и щёлкнула пальцами, заставляя проекцию феникса вращаться. Птица была великолепной — размером с небольшого дракона, вся золотисто-красная, с длинным хвостом, который, судя по проекции, струился огненным шлейфом. Но на деле, как говорила преподавательница, это были просто светоотражающие перья. Никакого огня. Скука.

— Повторяю для тех, кто грезит кулинарией, — она сверкнула глазом в сторону Тимми, — фениксы — высшие разумные. Они говорят на двадцати трёх диалектах, включая древне-

эльфийский. Они ведут дипломатические переговоры с императором раз в пять лет. Поймать феникса — всё равно что похитить вашего декана. Бессмысленно и чревато последствиями.

Онтарий поднял руку снова, и Ортанила тяжело вздохнула, словно вселенская тяжесть легла на её плечи.

— Что ещё, Онтарий?

— А если я не похищать, а просто сфотографирую? — спросил он простодушно. — У меня есть новый артефакт, который делает моментальные картинки. Там где вспышка — очень яркая. Феникса это не поранит?

— Это не поранит феникса, — устало произнесла Ортанила, потирая переносицу, — но это ослепит вас, и вы проведёте полгода в лазарете, потому что фениксы не любят, когда их снимают без их королевского позволения. У них, знаете ли, самомнение больше, чем у драконов.

Тут я не выдержала и хихикнула. Громко. На весь зал. Ортанила обернулась ко мне так стремительно, что её идеально уложенный пучок едва не развалился.

— Адептка Василиса, вы снова смеётесь над моей лекцией?

— Ни в коем случае, магистр, — я честно попыталась согнать улыбку с лица, но она не сходила. — Просто я представила Онтария с фотокамерой посреди гнезда феникса. И как он будет объяснять птицам, что он не охотник, а просто «арт-фотограф».

— И что же в этом смешного? — Ортанила прищурилась, но в уголках её губ я заметила странное подёргивание. Кажется, она тоже подавляла смех. Это была редкая удача — тигрицы вообще не умели смеяться на публике, считая это «несерьёзным поведением для хищника».

— Ну, — я развела руками, стараясь звучать максимально беззаботно, — в моём мире фотографии тоже вечно лезут куда не надо. У меня был знакомый, который полез в клетку ко льву, чтобы сделать «эксклюзивный кадр». Лев потом его тапки жевал две недели. А Онтарий, если честно, очень похож на него. Только с рогами.

По аудитории прокатился сдавленный хохот. Аристарх Кровавый Бриз забыл про своих пауков и заржал так, что его клыки сверкнули в свете жучков. Даже Грумм-огр перестал писать и улыбнулся своей зубастой пастью, отчего все свитки на его столе подпрыгнули.

Онтарий насупился, но его рога обиженно звякнули, выдавая, что он не злится, а скорее смущается.

— Итак, — Ортанила стукнула указкой по кафедре, возвращая внимание зала. — Фениксы. Продолжим. Они создают пары один раз и на всю жизнь. Самец ухаживает ровно сто лет. Сто лет, адепт Василиса, — она выразительно посмотрела на меня. — Это вам не «свидание в таверне после лекций».

— А я за сто лет и не выйду никуда, магистр, — вздохнула я драматично, прижимая руку к груди. — Мне моих тридцати пяти хватило, чтобы понять: мужчины — они везде одинаковые. И с рогами, и без.

Ортанила закатила глаза — совсем по-человечески. Потом взяла с кафедры глиняную чашу с водой и плеснула туда каплю какой-то эссенции. Вода вспыхнула, и в воздухе зависло изображение двух фениксов, кружащих друг вокруг друга. Они были прекрасны: их огненные перья переливались, как драгоценные камни, а в центре танца пульсировал золотистый шар.

— Когда они сплетают свои души, — продолжала Ортанила, — они создают общий энергетический кокон. Выглядит это так, — она указала на шар, — как солнце в миниатюре. Если один умирает, второй не живёт и дня. Печально, но факт.

— А если развод? — спросил вдруг Тимми, снова вытаскивая изо рта свой резиновый кусок. — Они разводятся? Ну, типо, если не сошлись характерами за сто лет ухаживаний?

Ортанила посмотрела на него так, словно он только что предложил сварить суп из младенцев-единорогов.

— У фениксов, — произнесла она с ледяным спокойствием, — нет разводов. У них нет измен, скандалов и дележа гнезда. Им это не нужно. Они — идеальные супруги.

— Скучно, — констатировал Аристарх Кровавый Бриз с соседнего ряда. — Вот у нас, вампиров, всё интересно: интриги, кровные распри, проклятия, разрывы помолвок через дуэли...

— Адепт Кровавый Бриз, — повернулась к нему Ортанила, — если вы ещё раз расскажете о ваших семейных дразгах на моей лекции, я попрошу декана перевести вас на факультет некромантии, где ваш романтический пафос оценят по заслугам.

Аристарх побледнел ещё сильнее, что было почти невозможно, и умолк.

А я снова взглянула на свою тетрадь. Я уже хотела написать очередную колкость, но передумала. Вместо этого я нарисовала на полях маленького феникса, который сидел на ветке и внимательно слушал лекцию. Подписала: «В отличие от некоторых студентов».

Рядом с этой нелепой картинкой я вывела: *«Фениксы не горят. Но моя надежда дожить до конца этой лекции горит ярким пламенем. Особенно когда Ортанила начинает говорить про сто лет ухода за животными. Интересно, а у людей-тигров тоже столетний срок? Или они, как и всеоборотни, предпочитают быстрые знакомства на магических ярмарках?»*

— Адептка Василиса! — рявкнули надо мной. Я вздрогнула, и мой стилус оставил длинную фиолетовую полосу через всю страницу.

— Я здесь! — выпалила я, поднимая голову, и встретила янтарный взгляд Ортанилы.

— Мне кажется, или вы опять пишете что-то, что не относится к теме занятия? — она протянула руку, и я поняла, что это конец.

— Это конспект, магистр! — я попыталась закрыть тетрадь, но тигриная реакция была быстрее. Тетрадь вылетела из моих рук, перевернулась в воздухе и упала прямо на кафедру, раскрывшись на странице с нарисованным фениксом и подписью про «быстрые знакомства».

Повисла звенящая тишина. Тимми подавился своим резиновым куском и закашлялся. Аристарх закрыл лицо ладонями. Онтарий пригнулся, словно ожидая взрыва.

Ортанила взяла тетрадь, посмотрела на неё, потом на меня. Её усы дрогнули.

— Адептка Василиса, — её голос звучал ровно, без единой эмоции. — Вы — единственная студентка, которая умудряется делать лекции интереснее, чем я. Это... талант. — Она закрыла тетрадь и протянула её мне. — Я не спрашиваю, что за «быстрые знакомства» вы имели в виду. Но имейте в виду: завтра я проверяю ваши знания по этой теме устно. Без тетради. Надеюсь, ваш юмор так же хорош, как и ваша память.

Я взяла тетрадь, судорожно кивнула и уткнулась в парту, чувствуя, как уши заливаются малиновым цветом.

Грумм-огр через два ряда поймал мой взгляд, сочувственно кивнул своей огромной башкой и тихо, чтобы слышали только мы, прогудел:

— Крепись, Василиса. Мы все так через это проходили. Она добрая, просто рычит много.

— Рычит, — выдохнула я, — и ещё умеет читать мысли через мою тетрадь. Эх, приключения на мою голову...

Ортанила, словно услышав это (а она наверняка услышала), снова повернулась и прищурилась. Но в этот раз в её взгляде мелькнула не угроза, а что-то похожее на искреннее, почти человеческое веселье.

— Продолжим, адепты, — сказала она, и в её голосе впервые за всю лекцию проскользнула мягкая, бархатная нотка. — Кто знает, что фениксы делают, когда у них нет настроения общаться с магами?

Я подняла руку. Ортанила вздохнула, но кивнула.

— Закатывают истерику и поджигают ближайший лес? — предположила я.

— Почти угадали, — она усмехнулась, обнажая клыки. — Они просто улетают на север, в ледяные пустоши, и сидят там в одиночестве, пока их не позовут обратно. Иногда — по сто лет. Без еды, без общения. Просто ждут.

— А я бы не выдержала, — буркнула я в тетрадь. — Сто лет без кофе и интернета. Хотя, здесь даже интернета нет, — я задумалась, — что уж говорить о фениксах.

Тимми услышал и шепнул через ряд:

— А что такое интернет?

— Это, — торжественно ответила я, — такая магия, с помощью которой можно смотреть, как танцуют коты, не выходя из дома.

Глаза гоблина загорелись священным огнём понимания.

— Я хочу такую магию!

— Адепты! — рявкнула Ортанила, и мы оба, как нашкодившие котята, прижали уши и вернулись к конспектам.

Я снова взяла стилус, подумала, улыбнулась про себя и на чистой странице написала: *«Фениксы: не горят, не разводятся, клюют только тех, кто заслужил. Очень похоже на преподавателей этой академии. Разница в том, что тигры хотя бы не умеют предсказывать будущее. Или умеют? Чёрт, надо было идти на факультет бытовой магии, там хоть посуда летает без обидных комментариев».*

И я закрыла тетрадь, решив, что этот конспект точно останется при мне, даже если завтра Ортанила устроит мне экзамен-допрос с пристрастием. По крайней мере, я буду знать, что не зря просидела здесь два часа, слушая про идеальных огненных птиц, которые живут дольше, чем я успела прожить целых две жизни.

Глава 2

Последняя лекция этого дня, а именно урок Ортанилы горт Дарсканайской, наконец-то закончилась. И мы все вздохнули с таким облегчением, будто с нас всех одновременно сняли проклятие вековой немоты. Даже жучки на потолке, казалось, выдохнули и начали танцевать веселее. Грумм-огр с грохотом захлопнул свой свиток размером с ковёр, Тимми наконец выплюнул свой злополучный резиновый кусок (который, как выяснилось, был засохшим пирожком с капустой, припрятанным ещё с прошлой недели), а Аристарх Кровавый Бриз провёл рукой по своим идеальным чёрным волосам и демонстративно вышел, всем видом показывая, что он слишком крут для этого мира.

Я, наоборот, выползла из аудитории с чувством выполненного долга и с тетрадью, которая грозилась дымиться при каждом моём взгляде на неё. Солнце Орионаса — огромное, оранжевое, похожее на переспелый апельсин — уже клонилось к закату, окрашивая стены академии в тёплые медовые тона. В коридорах было шумно: гномы с грохотом тащили свои сумки, набитые артефактами; пара вампиров в углу увлечённо обсуждала, чья кровь вкуснее — эльфийская или оборотническая (шёпотом, чтобы никого не обидеть); а несколько домовых с воплями гоняли кого-то невидимого по потолку.

— Василиса, ты жива? — раздался голос прямо у моего уха, и я подпрыгнула.

— Астариэль, я тебя умоляю, не подкрадывайся, — простонала я, оборачиваясь. — Я после лекции Ортанилы как варёный кролик. Хотя нет, кролик быстрее реагирует.

Передо мной стояла Астариэль — моя лучшая подруга, эльфийка с внешностью фарфоровой статуэтки, которую случайно оживили и наделили магией растений. Она была высокой, стройной, с длинными пепельными волосами, которые она заплетала в косы по эльфийской моде — с живыми цветами, которые никогда не увядали. Сегодня в её волосах красовались крошечные золотые хризантемы, которые пахли мёдом и солнечным светом.

Глаза у Астариэль были изумрудные, с таким ярким зелёным отливом, что, глядя в них, хотелось взять лопату и посадить что-нибудь. И её магия, кстати, работала именно так: всё, к чему прикасалась Астариэль, начинало цвести. Даже мои замшевые перчатки после её рукопожатия выпускали маленькие белые бутоны, которые, впрочем, тут же засыхали — у меня с магией растений были сложные отношения.

Астариэль была дочерью императора эльфов — это означало, что она носила титул «Цветущая Принцесса» и могла в любой момент приказать казнить кого-нибудь за слишком громкое чавканье. Но на практике Астариэль была настолько доброй, что даже муху не обидела — она просто выращивала вокруг неё цветочный горшок и ставила на подоконник, чтобы муха жила в комфорте.

— Ты снова злила Ортанилу? — спросила она с улыбкой, которая могла бы растопить вечную мерзлоту. — Я слышала, как ты про «быстрые знакомства» писала.

— А ты откуда знаешь? Ты же на заднем ряду сидела, где твои фикусы цветут!

— У меня хороший слух, — эльфийка пожала плечами, и её косы мелодично звякнули хрустальными подвесками. — И потом, я видела, как она твою тетрадь читала. Ты — мой герой. С тех пор как мой брат попытался украсть драконий зуб, я не видела, чтобы кто-то так смело шёл на конфликт с преподами.

— Это не смелость, — вздохнула я. — Это мазохизм. Ладно, пошли в столовую, я там хочу залить свою печаль компотом из драконьих ягод. Или тем, что они там выдают за компот.

Мы прошли через центральный холл, где висел огромный герб академии — виверна, обнимающая книгу, с надписью «Знание сжигает невежество». Когда я впервые увидела эту надпись, я подумала, что это шутка про Ортанилу. Но нет, это был реальный девиз.

— Погодите! — за спиной послышалось цоканье когтей по каменному полу, и к нам подбежала Онкара.оборотница-пума, дочь богатейшего купца, торговавшего магическими кристаллами. Онкара была низенькой, коренастой, с копной рыжих волос, которые вечно торчали в разные стороны, будто её только что подключили к розетке. Её глаза были жёлтыми, как у её второй ипостаси, и постоянно щурились, словно она кого-то высматривала в толпе.

Онкара носила куртку из кожи виверны (настоящей, подарок отца) и неизменный серебряный амулет с изображением пумы. В отличие от Астариэль, которая двигалась плавно, словно цветок на ветру, Онкара двигалась с энергией урагана. И не зря: её магия была воздушной. Она могла создавать порывы ветра, завихрения и даже небольшие смерчи. Правда, последний раз, когда она тренировалась, случайно запустила смерч в столовую, и оттуда целый час вылетали тарелки с супом. С тех пор её запускали в зал для тренировок с пометкой «Опасно».

— Вы слышали, что Ортанила сказала про гоблинов? — Онкара перешла на быстрый шаг, едва не врезавшись в статую единорога. — Ну, про то, что они кварц воруют?

— Слышали, — кивнула я. — А что?

— Мой отец как раз поставляет кварц для академии! — радостно сообщила Онкара. — Он говорил, что гоблины пытались перехватить его караван в прошлом месяце. Представляешь, они устроили засаду прямо у Золотистых гор! Но отец нанял боевых грифонов, и гоблины сбежали, оставив свои штаны. Буквально. Он привёз их как трофей.

— Зачем твоему отцу штаны гоблинов? — спросила Астариэль, с лёгким отвращением разглядывая свои идеальные ногти.

— Не знаю, — пожала плечами Онкара. — Он сказал, что это «историческая ценность». У него в кабинете целая коллекция — штаны гоблинов, шляпы троллей, зуб вампира...

— Зуб вампира? — я подняла бровь. — Я думала, вампиры не сдают зубы добровольно.

— Он не добровольно, — ухмыльнулась Онкара. — Это был мой дедушка. Они поспорили, кто выпьет больше крови на ярмарке. Дедушка выиграл.

Мы вышли из главного корпуса и направились по мощёной дорожке к зданию столовой. Академия располагалась в долине, окружённой невысокими холмами, поросшими серебристым мхом. Сейчас, на закате, мох светился мягким голубоватым светом, создавая впечатление, что мы идём по лунной дорожке.

Здание столовой было отдельно стоящим — архитектурный шедевр, как любил говорить ректор. Это был громадный купол, сделанный из спрессованных сосновых шишек и стекла, которое никогда не мыли, но оно всегда оставалось прозрачным (магическая самоочистка, на которую уходила половина бюджета факультета). Вокруг купола вились живые лианы с цветами, которые раскрывались только вечером и пахли ванилью и корицей. От этого запаха у меня всегда урчало в животе, даже если я была сыта.

Внутри столовой было ещё интереснее. Мы вошли через высокие двери, украшенные резьбой в виде пирожков (местный юмор — «вход через выпечку»), и сразу попали в огромный круглый зал, разделённый на сектора по расам. Эльфы сидели в левой части, где столы были сделаны из живого дерева, а на тарелках всегда красовались салаты с лепестками.оборотцы занимали правую часть — там стояли грубые деревянные лавки, и на столах преобладало мясо. В центре, в отдельном круглом секторе, расположились все остальные: люди, гномы, вампиры, домовые, гоблины и прочие разумные существа.

Сегодня в столовой был настоящий хаос. С потолка, который был имитацией звёздного неба, свисали магические светильники в виде летающих тарелок, которые периодически сталкивались друг с другом, вызывая искры. Повара — пара здоровенных огров в белых колпаках — колдовали над котлами, откуда доносились запахи, которые могли бы поколебать уверенность даже самого опытного гурмана.

— О, сегодня суп из хвоста саламандры! — прочитала вывеску Астариэль и побледнела. — Я... я, наверное, возьму салат. И ещё салат. И десерт тоже салат.

— А я буду мясо, — радостно потёрла руки Онкара. — Слышишь, как котлы булькают? У них там, наверное, тушёный вепрь с яблоками! Ммм!

— Онкара, ты же в прошлый раз съела три порции вепря, и у тебя полдня шерсть лезла, — напомнила я.

— Это была удачная линька, — отмахнулась она. — Отец сказал, что когда шерсть лезет после вепря, значит, он свежий.

Мы взяли подносы из бамбука (местное поветрие — экологичная посуда, которую потом съедали гоблины в качестве десерта) и встали в очередь. Впереди нас, огрызаясь, спорили Тимми с каким-то троллем из-за последней порции жареных улиток. Тимми размахивал своей вилкой и что-то кричал про «клановую честь», а тролль просто молча смотрел на него сверху вниз, периодически облизываясь.

— Я никогда не привыкну к этим очередям, — вздохнула я, оглядываясь. — В моём мире мы заказывали еду с доставкой. Сидишь дома, нажимаешь на артефакт, и через час приносят еду.

— У нас тоже есть доставка, — хмыкнула Онкара. — Но она стоит как три яйца виверны. И приносит только жареных воронов. Не знаю, кто на такое подписывается.

— Ой, смотрите! — Астариэль невоспитанно ткнула пальцем в сторону соседнего сектора. — Мой двоюродный брат опять пытается произвести впечатление на ту русалку. Он выращивает розы прямо у неё на столе.

Я проследила за её взглядом. Тощий эльф в серебристой мантии сосредоточенно махал руками, и из-под тарелки его соседки действительно лезли розовые бутоны. Русалка смотрела на это с лёгким недоумением, потому что у неё на столе уже вырос целый сад, и она просто не могла поставить тарелку с ухой.

— Ну, романтика, — я пожалала плечами. — У нас на Земле парни дарят цветы. Только у них это выглядит не так... садоводчески.

— А как ухаживают ваши парни? — заинтересовалась Онкара.

— По-разному, — я задумалась. — Некоторые приносят цветы, некоторые — шоколад. А некоторые просто пишут «привет» в магической сети и надеются на чудо.

— Станный мир, — синхронно сказали эльфийка и оборотница.

Мы наконец добрались до раздачи. Огр-повар взглянул на нас своим единственным глазом и грозно спросил:

— Чего желают маленькие леди?

— Салат, — пискнула Астариэль.

— Мясо! — рявкнула Онкара.

— А вам? — повар уставился на меня.

Его глаз светился красным — побочный эффект магии огня, который он использовал для приготовления.

— Компот из драконьих ягод, — сказала я, — и всё, что вы посоветуете, но без крови, без живых ингредиентов и без того, чтобы оно шевелилось.

— Скучная вы, — констатировал огр, но всё равно навалил мне полную тарелку тушёных овощей с куском хлеба, который дымился.

Мы нашли свободный столик в общем секторе, прямо у окна с видом на серебристый мох. Я села, выдохнула и, не дожидаясь, пока подруги усядутся, схватила ложку.

— Так, — начала Онкара, откусывая огромный кусок мяса и жуя с наслаждением, — давай честно. Что ты там написала в тетради? Ну, помимо того, что про «быстрые знакомства»?

— А ты всё слышала? — прищурилась я.

— У меня слух, как у пумы, — она довольно прищурилась. — И я сидела на первой парте. Я видела, как она читала. И ты краснела. Это было очень забавно.

— Я не краснела, — возразила я, вонзая вилку в овощи. — У меня просто... лицо горело. От жары. Там было душно.

— Там всегда прохладно, — вставила Астариэль, аккуратно перекладывая салат из общей тарелки в свою.

— Астариэль, ты не помогаешь.

— Я не хочу помогать, — улыбнулась эльфийка. — Мне нравится смотреть, как ты выкручиваешься.

— И что я должна была сделать? — я развела руками. — Она спросила меня про книги. Я сказала правду. У нас на Земле фениксы горят. В книгах. Я не знаю, почему здесь они не горят, но это же не моя вина, что у вас тут всё через одно место.

— Через место? — переспросила Онкара, жуя. — Какое место?

— Ну, не буквально. Это идиома. Означает, что всё нелогично.

— У нас всё очень логично, — обиделась Астариэль. — Просто у вас, людей, странное представление о логике.

— У вас тут столетиями ухаживают за одной птицей! — взорвалась я. — Птицей! Сто лет! За это время в моём мире можно трижды развестись, снова жениться, родить детей, и ещё успеть собрать коллекцию марок!

— А что такое марки? — заинтересовалась Онкара.

— Это... — я запнулась. — Неважно. Ладно, оставим фениксов. Они меня сегодня довели. Давайте лучше обсудим, что завтра на завтрак.

— Завтра, — мечтательно протянула Онкара, откусывая ещё кусок, — завтра будут пирожки с мясом грибной виверны. Я слышала, как повара обсуждали.

— Пирожки с грибной виверной, — я слотнула. — Звучит как... ну, как что-то, что может взорваться у тебя во рту.

— Именно! — обрадовалась Онкара. — Поэтому они и вкусные!

— Ты неисправима, — покачала головой Астариэль.

Я улыбнулась, глядя на своих подруг. Вот такие у меня были друзья в магической академии. Эльфийская принцесса, ненавидит мясо. И дочь купца, которая может съесть целого вепря и попросить добавки. А я — попаданка, которая до сих пор не знает, как правильно колдовать, но точно знает, как смешить преподавателей.

День заканчивался, за окном смеркалось, и серебристый мох загорался всё ярче. Столовая гудела, кто-то на эльфийском секторе громко возмущался, что салат не достаточно свежий, в центре вампир и гном играли в кости (и, судя по лицу гнома, проигрывали), а над головой кружились светящиеся тарелки.

Я откинулась на спинку стула и подумала: «Ну, мир Орионас странный. Но, чёрт возьми, здесь никогда не бывает скучно».

Глава 3

Мы вывалились из столовой сытые, довольные и слегка оглушённые грохотом, который устраивали гномы за соседним столиком. Они играли в «Камнепад» — настольную игру, где вместо фишек использовались настоящие булыжники, и каждый проигрыш сопровождался таким ударом по столу, что наши тарелки подпрыгивали. Астариэль даже прикрывала свой салат руками, чтобы его не разнесло по всей округе.

— Я никогда не пойму их азарта, — вздохнула эльфийка, когда мы вышли на крыльцо. — Зачем кидаться камнями, если можно просто вырастить цветок и понаблюдать за его ростом?

— Потому что, Астариэль, — с набитым ртом сказала Онкара (она прихватила с собой пирожок на выход), — цветы не пахнут победой. А камни пахнут.

— Камни не пахнут, — возразила я.

— Пахнут. Если это камни, на которых сидел дракон, — авторитетно заявила оборотница и щедро откусила от пирожка ещё половину.

Вечерний воздух Ориона был тёплым и чуть влажным, с отчётливым запахом серебристого мха и ночных цветов, которые распускались с заходом солнца. Мы пошли по главной аллее, мимо фонтана, в центре которого стояла статуя единорога, изрыгающего воду изо рта. Вода была магической: она переливалась всеми цветами радуги и время от времени взлетала вверх, образуя маленькие водяные фигурки. Сегодня единорог почему-то плевался драконами.

— Смотрите, — показала я пальцем. — Опять у него приступ художественного творчества.

— О, — оживилась Астариэль, — наш декан по магии воды вчера экспериментировал с заклинаниями. Говорят, он хотел сделать русалок, а получились драконы. Сказал, что это «новая концепция».

— «Новая концепция», — хмыкнула я. — Это как мои попытки пожарить яичницу магией. Я хочу яичницу, а получается уголь. Тоже, видите ли, «новая концепция».

— Ты просто неправильно концентрируешься, — сказала Онкара, доедая пирожок и облизывая пальцы. — Надо злиться на яйцо. Представлять, что оно тебя обидело. Тогда оно поджарится идеально.

— Я не хочу злиться на яйцо, — отрезала я. — Яйцо не виновато в моих проблемах. Оно просто хотело стать омлетом.

Мы миновали фонтан и углубились в парк, который тянулся на полпути от столовой до общежитий. Парк в Аструм Инкарнатум был отдельным произведением магического искусства. Каждое дерево здесь дышало: их стволы мягко пульсировали изумрудным светом, а листья тихо перешёптывались между собой на древнем языке природы. Когда ветер касался крон, они издавали звук, похожий на шелест тысяч страниц перелистываемой книги. Я в первый раз, когда услышала это, чуть не споткнулась от восторга.

— Слушайте, — сказала я, замедляя шаг. — Они опять шепчут. Интересно, о чём? О погоде? О том, что эльфы опять заказали слишком много салата?

— Деревья не сплетничают, — с достоинством заметила Астариэль. — Они обсуждают только важное. Магические потоки, смену времён года, перемещение подземных вод...

— А ещё они обсуждают, — перебила Онкара, пригнувшись, — кто вчера прятался в кустах с любовницей. У них отличное обоняние, знаете ли. Они всё чувствуют корнями.

— Откуда ты знаешь? — я удивлённо уставилась на неё.

— Мой отец однажды задолжал одному древнему дубу пару золотых монет, — пожала плечами Онкара. — Так дуб всем в парке рассказывал про его долги в течение года. Приходилось обходить его стороной, потому что он шелестел: «Твой отец должник, золото не вернул». Это было унижительно.

Мы рассмеялись, и наш смех разлетелся по парку, спугнув пару светящихся бабочек, которые пили нектар из ночных лилий. Бабочки были размером с мою ладонь, их крылья светились мягким голубым светом, и они оставляли за собой длинные искрящиеся шлейфы. Одна из них села на плечо Астариэль, и та с нежностью дотронулась до неё пальцем.

— Привет, малышка, — прошептала эльфийка. — Ты тоже в общагу?

Бабочка взмахнула крыльями, и в воздухе засияла крошечная голографическая надпись: «Да, в крыло номер три».

— Это они так общаются, — объяснила Астариэль, увидев моё удивлённое лицо. — Световые письма. У нас в эльфийских садах каждая бабочка знает свой адрес.

— У нас на Земле бабочки просто умеют летать и быть красивыми, — сказала я. — Они не знают адресов. Им это не нужно.

— Бедные бабочки, — вздохнула эльфийка. — Как они находят дорогу домой?

— Они просто живут там, где цветы, — я пожала плечами. — Им не нужны адреса, им нужен нектар.

Мы свернули с главной аллеи на узкую тропинку, вымощенную круглыми камнями, которые светились тёплым оранжевым светом под ногами. Тропинка вилась между кустов с колючими ягодами (их собирали для эльфийских настоек), огибала большой валун, покрытый мхом, который шевелился и менял цвет от серебристого до изумрудного, и наконец вывела нас к зданию общежития.

Общага — или «Терем Студентов», как её торжественно именовали в академических документах — была чем-то средним между сказочным замком и коммунальной квартирой. Это было массивное трёхэтажное здание из тёмного камня, который днём казался серым, а ночью начинал переливаться всеми цветами радуги, словно камень впитывал магию и отдавал её обратно в темноте. Окна общежития были разных форм и размеров: круглые, как иллюминаторы; треугольные, как у готических соборов; и даже одно окно в форме звезды на третьем этаже, где жил декан факультета бытовой магии. Говорили, что он сам так захотел, потому что «звёзды вдохновляют на чистку котлов».

Крыша была покрыта живой черепицей — маленькими пластинками, которые походили на чешую драконов. В темноте они издавали тихий, едва слышный звон, словно тысячи крошечных колокольчиков. От этого звука у меня всегда начинала кружиться голова, но приятно.

— Дверь сегодня синяя, — заметила Онкара, подходя к входу. — Вчера была красная.

— Это зависит от настроения общежития, — объяснила Астариэль, касаясь рукой дверной ручки, которая была сделана из полированного обсидиана и нагревалась под пальцами. — Если здание в хорошем расположении духа, дверь зелёная или синяя. Если оно устало — серая. Если злится — красная. Красный цвет означает, что оно не хочет никого впускать и ждёт, пока кто-нибудь принесёт ему угощение.

— То есть, если мы не покормим дверь, она не откроется? — уточнила я, вспоминая, что вчера при входе никто ничего не давал.

— Её надо погладить, — сказала Астариэль, и провела ладонью по прохладной поверхности двери. — Вот так. Привет, Терем. Мы пришли домой.

Дверь издала довольный скрип, который походил на урчание гигантского кота, и медленно открылась, впуская нас внутрь. На пороге лежало маленькое яблоко — кто-то из студентов уже оставил подношение.

— У нас в мире двери сами открываются, — прошептала я, переступая порог. — Ну, или с помощью ручки. Но не надо их гладить.

— А точно не надо? — спросила Онкара, оглядываясь на дверь.

— Не надо, — усмехнулась я. — Наши двери не обижаются.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Лестница была винтовой, сделанной из корней деревьев, которые росли прямо под зданием. Корни были гладкими от времени, но тёп-

лыми на ощупь, словно дерево всё ещё жило и дышало. На каждой ступеньке были вырезаны руны, которые мягко светились, когда кто-то наступал на них. Считалось, что они защищают общежитие от злых сил и от студентов, забывающих свои ключи. Ключи, кстати, были магическими — они работали только в руках своего владельца и могли принимать любую форму: от монетки до пёрышка.

— Наш коридор, — объявила Астариэль, когда мы вышли на второй этаж. — Сейчас проверим, не воры ли мы.

Она подошла к стене, на которой висел портрет старого ректора с очень строгим лицом. Портрет ожил, как только Астариэль приблизилась, и ректор нахмурился.

— Кто? — спросил он голосом, напоминающим скрип несмазанной кареты.

— Астариэль, Онкара, Василиса, — отчеканила эльфийка. — Комната 217. Студентки.

— Астариэль... — ректор задумался, и его портрет на секунду закаменел. — Цветущая Принцесса. А это кто с вами? — он уставился на меня с подозрением.

— Василиса, — повторила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — С Земли. Попаданка. Сделайте лицо попроще.

Ректор ничего не сказал, но его портрет слегка покраснел — явно пришёл в замешательство. Через секунду он кивнул, и дверь за его спиной открылась с лёгким звоном.

— Проходите, — буркнул портрет. — Но не шумите после полуночи. У нас есть правила.

— Ага, — сказала я, проходя мимо. — Правила. Конечно.

Мы вошли в комнату. Это была просторная квадратная комната с высокими потолками, где вместо люстры висел рой светлячков в стеклянной сфере. Они кружились медленно, как планеты, освещая всё мягким золотистым светом. У каждой из нас была своя кровать: у Астариэль — плетёная из живых виноградных лоз, которые выпускали свежие листья и иногда цветы (к утру эльфийка спала в настоящем цветнике). У Онкары — широкая, с балдахином из выделанной шкуры, которую она украсила амулетами-оберегами. У меня — самая обычная деревянная, на которой я спала, но иногда она скрипела, и я подозревала, что она тоже на что-то намекает.

Стены комнаты были увешаны нашими вещами: у Астариэль — сушёные травы, пучки цветов и несколько иллюстраций с флорой Орионаса. У Онкары — охотничьи трофеи: пара рогов, когти неизвестного зверя и карта, где были отмечены все окрестности академии с возможными местами обитания магических существ. У меня — земные артефакты: телефон, который давно разрядился, блокнот с рецептами, которые я переписывала из мира, и книга на русском языке, которую я нашла у букиниста и которую никто, кроме меня, не мог прочитать.

— Я устала как дракон после охоты, — объявила Онкара, плюхаясь на кровать. Она растянулась во весь рост и, не меняя позы, щёлкнула пальцами. Над её кроватью закружился маленький ветерок, который начал аккуратно сдувать пыль. — Магия воздуха — лучшая. Не надо делать уборку руками.

— А моя магия — лучшая, — возразила Астариэль, подходя к своему цветнику. Она коснулась виноградной лозы, и та зацвела белыми бутонами. — Вот. Красота. У тебя ветер — у меня цветы. Васька, а у тебя что?

— У меня — ленивое неумение, — я рухнула на свою кровать, которая жалобно скрипнула. — Но зато у меня есть феноменальная способность выводить преподавателей из себя. Это тоже магия?

— Это талант, — поправила Онкара, прикрывая глаза. — Мой отец говорит, что за талант платят. Особенно если это талант раздражать.

— А твой отец платил за то, чтобы раздражать? — спросила я, закидывая руки за голову.

— Он платит за всё, — ответила Онкара с закрытыми глазами. — Это его главный талант. У него денег столько, что он может купить даже настроение двери.

— О, это было бы полезно, — я улыбнулась. — Представляете: идёшь в общагу, а дверь уже зелёная и открывает тебе с поклоном.

— Мой отец однажды заказал у гномов дверь, которая сама кланяется, — подхватила Онкара. — Но она оказалась такой гордой, что кланялась только императору. Пришлось вернуть.

Астариэль фыркнула от смеха, прикрывая рот рукой.

— В эльфийском дворце двери вообще не кланяются. Они просто открываются, когда чувствуют твою ауру. Это гораздо элегантнее.

— Твоя аура — это запах роз и самодовольства, — хмыкнула Онкара.

— А твоя — это запах мяса и ветра, — парировала эльфийка.

— Девочки, не ссорьтесь, — я примиряюще подняла руку. — Давайте лучше обсудим завтрашние занятия. У нас что? Магия быта?

— О, боги, — простонала Онкара, переворачиваясь на живот. — Я не могу ещё раз почистить котлы магией воды. У меня от этого шерсть выпадает.

— А у меня — засыхают цветы, — вздохнула Астариэль. — Я ненавижу бытовую магию. Это унижительно для эльфийской принцессы.

— А я, — я театрально приложила руку к груди, — я, возможно, наконец пойму, как сделать так, чтобы моя одежда гладилась сама. В моём мире это называют «утюг». У нас нет магии, у нас есть электричество. И оно работает.

— Что такое электричество? — хором спросили подруги.

Я задумалась.

— Это... как магия, только без магии. Ну, представьте, что у вас есть артефакт, который работает не от вашей силы, а от энергии молний. И этой энергией вы питаете всё: от света до утюга.

— Молнии? — Онкара села на кровати, её глаза загорелись. — Мы можем управлять молниями! Это же стихия воздуха! Почему ты не сказала раньше?

— Потому что я хочу, чтобы мои носки были сухими, а не поджаренными, — отрезала я. — У вас тут все хотят завоёвывать мир. А я хочу просто пить чай и не обжигаться.

— Чай? — Астариэль подошла к маленькому столику в углу, где стоял глиняный чайник. — Хочешь мой травяной сбор? Он помогает от стресса.

— Спасибо, — я благодарно кивнула. — Стресса у меня сегодня — хоть отбавляй. После лекции Ортанилы мне нужен не чай, а ванна с успокоительной магией.

— О, у меня есть такая! — воскликнула Онкара, вскакивая с кровати. Она подбежала к своему сундуку, который стоял в углу, и откинула крышку. Из сундука вылетели три пары носков, один охотничий нож и несколько засушенных жуков. — Вот! — она извлекла на свет маленький стеклянный пузырёк с голубой жидкостью. — Это «Сонный ветерок». Добавляешь в воду — и вся усталость улетает. Отец привёз от альпийских гномов.

— А это не превратит меня в лягушку? — с подозрением спросила я.

— Превратит, — серьёзно сказала Онкара. — Но на один день. Это плата за быстрое снятие стресса.

— Тогда я лучше чай, — я поспешно приняла кружку из рук Астариэль.

Эльфийка налила мне тёмный, пахучий отвар, и по комнате разлился аромат мёда и лесных трав. Я сделала глоток и почувствовала, как напряжение медленно стекает с плеч.

— Вкусно, — выдохнула я. — Моя мама говорила, что чай лечит всё. Кроме плохого настроения.

— А плохое настроение лечится хорошей дракой, — наставительно заметила Онкара, подходя к окну. — Смотрите, закат. Красота!

Мы подошли к окну и посмотрели наружу. Огромное оранжевое солнце почти коснулось горизонта, окрашивая парк в золотисто-розовые тона. Серебристый мох уже засветился ярко-голубым, а в небе стайки магических птиц выводили свои последние вечерние узоры.

— Знаете, — сказала я, глядя на это великолепие, — иногда я забываю, что я не дома. Но когда смотрю на такие закаты, я думаю: «Ну, может, оно того стоило».

— Ты всё ещё хочешь вернуться? — спросила Астариэль тихо, касаясь моего плеча.

Я помолчала.

— Не знаю, — честно ответила я. — Здесь у меня есть вы. Здесь есть магия. И есть Органила, которая пытается меня сожрать. Но... дом — это дом. — Я вздохнула. — Хотя, если честно, я уже начинаю скучать по этому дому. Даже по скрипучей кровати.

Кровать скрипнула, словно подтверждая мои слова.

— Тебя поняли, — усмехнулась Онкара. — Так, девчонки. Завтра у нас трудный день. Ложимся спать. Я хочу набраться сил, чтобы победить в «Камнепад» с гномами.

— Ты и так там всегда побеждаешь, — заметила Астариэль.

— Но завтра я выиграю по-крупному, — хитро прищурилась Онкара. — Я узнала, как они жульничают.

И, довольная своей тайной, она подошла к своей кровати, плюхнулась на неё и мгновенно засопела, как котёнок.

Мы с Астариэль переглянулись и улыбнулись.

— Она может уснуть за две секунды, — сказала эльфийка. — Я завидую.

— А я завидую её метаболизму, — вздохнула я, залезая под одеяло. — Спокойной ночи, принцесса.

— Спокойной ночи, попаданка, — ответила Астариэль и с лёгким вздохом погасила светлячков.

В комнате стало темно, только за окном мерцал голубой свет мха, да ветер тихо шептал в кронах деревьев. Я смотрела в потолок, на котором при свете звёзд проступали магические руны защиты, и думала о том, как странно устроена жизнь. Я — попаданка с Земли, где люди не верят в магию, — живу в мире, где двери надо гладить, деревья сплетничают, а фениксы не горят. И это самое невероятное из всего, что со мной случилось.

Я уснула, и мне приснилось, что я лечу над Золотистыми горами на спине феникса, и он говорит мне: «Василиса, ты слишком много иронизируешь, но мы всё равно тебя любим». Сны в Орионасе — они тоже магические.

Глава 4

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо. Или нет. Это была не тряска, а ощущение, что я лечу вниз с огромной высоты. Такое бывает, когда просыпаешься от собственного падения во сне. Я дёрнулась, открыла глаза и поняла, что нахожусь в своей кровати в общежитии, а надо мной склонилась Онкара — её рыжая грива торчала во все стороны, а глаза светились жёлтым даже в полутьме.

— Ты стонала, — сообщила она. — И смеялась. Одновременно. Это было жутко.

— Просто сон, — прошептала я, отворачиваясь к стене. Но сон не уходил. Он остался где-то там, под веками, и мне хотелось закрыть глаза и снова провалиться в него — даже если он был странным и немного болезненным.

Сон был о доме. О моём доме на Земле.

Мне снилась наша кухня в панельной девятиэтажке на окраине города. Та самая кухня, где вечно пахло жареным луком и мамиными пирожками, и где на подоконнике стоял фикус в горшке, который папа поливал, когда не забывал. Родители сидели за столом — такие же, какими я запомнила их в последний раз. Мама, невысокая, пухленькая женщина с седыми прядями в тёмных волосах (она всегда говорила, что это «не седина, а семейная магия»), наливала чай в мою любимую кружку с надписью «Лучший филолог кафедры». Папа, седой, с вечными очками на кончике носа, что-то читал в газете и периодически что-то бурчал про политику.

И я была там. Сидела за столом, как раньше, только теперь я — не та, что ушла. В руках — тот самый телефон, который сейчас лежит в моей тумбочке мёртвым грузом. И мама смотрит на меня с лёгким укором:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.